Дмитрий Нечипорук

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И ЕСТЕСТВЕННЫЕ ГРАНИЦЫ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ: ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕГО ПРОСТРАНСТВА

Abstract

In my paper I try to analyze how the history of formation of the Baltic Borders states after the Second World War influenced the cooperation of these states on main problems of the Baltic Sea. I attempt to trace the relationship between the process of formation of the Baltic States borders and mutual interests concerning the protection of the Baltic Sea ecology. As early as 1974 the Baltic Sea states adopted the first common frame agreement on the protection of the Baltic Sea. It was the crucial point of the cooperation in the Baltic area, and the Helsinki Commission (HELCOM) started its activity. On the other hand, the Cold War strictly defined not only the borders in Europe but the limits of the cooperation between the Soviet block and Western countries. From this point of view, the interaction was regarded as a declaration to carry out the following measures of the Baltic Sea societal improvements.

After the collapse of the USSR the situation in the region dramatically changed. HELCOM reestablished the membership of the new independent states – the four former Soviet republics (Lithuania, Latvia, Estonia and Russia) – and adopted the new Baltic Sea Action Plan. Being concerned with the problem of eutrophication HELCOM has marked the environmental borders both within and between the Baltic States. In the final part of the paper I analyze how they are correlated to political borders and what way the ecological problems of the Baltic Sea have changed the nature of the borders of the Baltic Sea.

Keywords: Borders, the Baltic Sea, delimitation, hot spots, eutrophication, HELCOM.

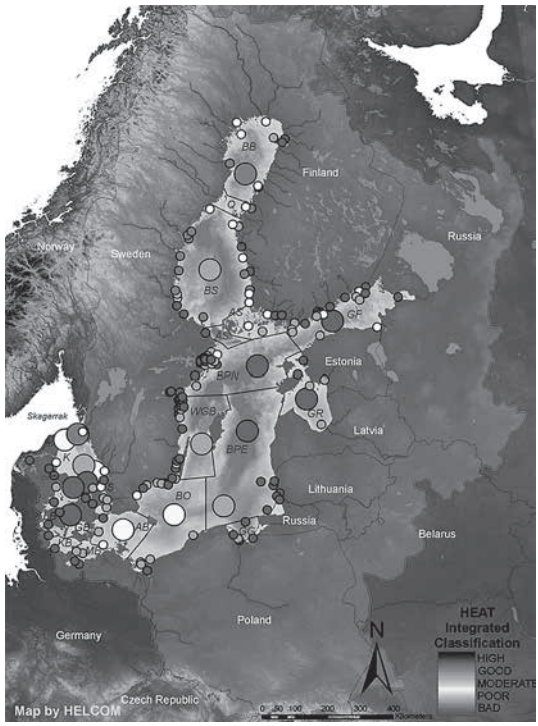

Рис. 1. Регион Балтийского моря и основные точки антропогенной эвтрофикации.
Источник: www.helcom.fi

Введение

Балтийское море является молодой и экологически уязвимой частью Атлантического океана. Это единственное внутреннее море в Европе, соединенное с Мировым океаном узкими проливами. Балтийское море характеризуется мелководностью, низкой соленостью морской воды и слабоинтенсивным обменом вод с Северным морем. Последняя черта переопределила крайне ограниченную способность Балтийского моря к самоочищению собственных вод. В среднем этот период занимает 30–50 лет. Балтийское море имеет среднюю глубину 52 метра с общей площадью 21 700 кв.км. Оно состоит из нескольких подбассейнов, в которые входят: Центральная Балтика, Ботнический залив, Ботническое море, Финский залив, Рижский залив, Датские проливы. Различные части моря отличаются друг от друга не только по размерам и глубине, но и по уровню солености вод, который значим для биоразнообразия подводного мира. Современное Балтийское море является одним из наиболее активно развивающихся европейских регионов, в котором проживают 85 млн человек на

территории девяти прибрежных государств (Германия, Дания, Латвия, Литва, Польша, Россия, Финляндия, Швеция, Эстония). Кроме стран, имеющих прямой выход к Балтике, ряд государств расположен на территории водосборного бассейна Балтийского моря. К их числу относится Беларусь, Украина, Чехия. Сегодня Балтийское море считается экологически неблагополучным. Согласно данным шведского агентства по защите окружающей среды, основными экологическими проблемами Балтийского моря являются: наличие в водах токсичных веществ, присутствие чужеродных морских видов, перелов рыбы и эвтрофикация (обогащение водоемов биогенными веществами (фосфаты, азот и т.п.), которая ведет к усиленному цветению сине-зеленых водорослей и нехватке кислорода) и воспринимается как главная угроза биоразнообразию (Hakanson & Bryhn 2007).

В данной статье предпринимается попытка проследить взаимосвязь между процессом формирования морских границ прибрежных государств и общих интересов по защите окружающей среды Балтийского моря. Хотя регион издревле был местом соперничества/сотрудничества народов и государств, проживающих на Балтике, лишь в XX веке произошли решающие события, сформировавшие существующие границы моря. Уже к концу 1980-х гг. границы стали осознаваться не только как гарантия защиты собственных интересов в регионе, но и как препятствие для реализации совместных усилий для решения общих трансграничных проблем (Joenniemi 1993). Такое понимание связано с развитием интеграционных процессов в Европе на фоне стремления нового советского руководства начать диалог и сотрудничество с западными странами. Влияние геополитических изменений в Балтийском регионе в конце 1980-х – начале 1990-х гг. на возникновение представления об общем экологическом пространстве и возросшая роль защиты окружающей среды Балтики при решении трансграничных проблем – предмет нашего исследования.

Опираясь на представление о границе как месте, где осуществляется взаимодействие противоположных (в буквальном смысле этого слова) сторон, будет показан процесс формирования границ. Исследуем процесс делимитации морских границ Балтийского моря как инструмент отстаивания государственных интересов через разрешение конфликтов и разногласий. Исследуется и история межгосударственной кооперации вокруг проблемы ухудшающего состояния Балтийского моря, возникшей в результате осознания недостаточности отдельных усилий по улучшению качества окружающей среды в регионе. Возрастающее значение природоохранных вопросов во внешней политике сильно повлияло на взаимоотношения балтийских стран в 1990–2000-е гг. Сотрудничество по вопросам охраны Балтийского моря изменило сущность конфликтов относительно природопользования моря на фоне усиления взаимодействия по созданию общего экологического пространства региона.

Дискуссия о природе границ и путях трансграничного взаимодействия

Вопросы значения и определения государственных границ приобрели большую актуальность после окончания Первой мировой войны (Topaloglou 2009). Изменение политической карты Европы, появление новых государств в восточноевропейском и балтийском регионах предопределило рост исследований по вопросам точного определения границ. Это были прикладные работы, публиковавшиеся в контексте неурегулированных пограничных споров либо на фоне неуверенности в прочности Версальской системы (Anderson 1996). Вторая мировая война и начало холодной войны оформили одно из важнейших направлений в изучении границы – как политический и идеологический феномен, как место, вокруг которого разворачивается конфликт и соперничество между враждующими сторонами. В этом понимании граница четко очерчивала сферу влияния или доминирования кого-либо (государства, военно-политического блока, армии) над чем-либо (территория, население, ресурсы) (Jones 1959, Minghi 1991). Подобный геополитический (реалистический) анализ границы требовал тщательного описания языковых, культурных, природных и других характеристик обозначенной территории.

Со второй половины XX века изучение границ все чаще проводилось в рамках междисциплинарного исследования. Влияние экономики, социологии, культурной антропологии позволили переосмыслить природу границы и увидеть в ней процессы социальной динамики. Представление о «естественных границах» как устоявшихся сущностях было подвергнуто критике сторонниками социального конструктивизма еще в эпоху доминирования геополитического подхода (Broek 1941, Pounds 1954, Topaloglou 2009). Граница всегда есть результат специальных усилий или произвольного вмешательства для установления контроля над территорией. Политическое понятие «суверенитет» имеет географическую основу: это всегда местность, земля, «исконная» для проживающего на ней населения. Однако суверенитет «естественных» границ после тщательных исторических изысканий оказывается продуктом экспансии и расширения территории в ту или иную историческую эпоху (Van Houtum 1998, Theodoropoulos 1999, Hassner 2002).

Другой подход, разрушающий представление о статичности и нерушимости границ, черпал свою аргументацию из экономики и антропологии. Граница есть место взаимодействия, оживленного или вялого, налаженного или случайного. Вокруг нее складываются устойчивые институты обмена и общения с собственными механизмами и функциями. Следовательно, изучение границы предполагает ответ на вопрос: *как* происходит взаимодействие, чем изучение того, *что* она из себя представляет (Alvarez 1995, Paasi 1996, Van Houtum [et al] 2005).

Граница как воплощение процедурных практик, прочно укорененных в сознании и поведении людей, помогает увидеть общее и особенное в отношении государства, местного сообщества к трансграничному взаимодействию. Это позволяет выделить факторы, способствующие или препятствующие сотрудничеству по разные стороны пограничной черты (Scott 2006).

Большое количество литературы по изучению природы границ появилось в связи с развитием европейской интеграции. Успехи западных стран по расширению интеграции, как в деле привлечения новых стран, так и в деле заключения новых договоров, радикально меняли отношение к границам. Шенгенское соглашение, Маастрихтский договор давали новое представление о возможностях надгосударственного сотрудничества и его масштабах. Европейская интеграция стимулировала попытки переосмыслить границы как гарантию суверенитета. В работах, посвященных возникновению нового общеевропейского пространства, границы рассматривались как препятствия, помеха, барьер для свободной торговли, передвижения людей и капиталов (Cappelin & Batey 1993, Ratti & Reichmann 1993).

В связи с эволюцией отношения ученых к изучению границ французский исследователь европейской интеграции Пьер Асснар выделил три основных подхода к изучению проблемы границ. Первый подход – позитивный или консервативный – рассматривает границы как основной инструмент в установлении прочных отношений между государствами. В основе этого подхода лежит представление о границе как линиях, стенах, крепостях, с помощью которых государство определяет независимость своей территории и идентичность населения, проживающего внутри этих границ. Второй подход порожден негативной реакцией на первый и, поэтому, является негативным, или революционным. В его основе лежит отрицательное отношение к границам – и шире – всякому разделению, препятствующему созданию единого пространства, в рамках которого кто-то (люди, животные) или что-то (идеи, товары, капиталы) могли бы свободно передвигаться или обращаться. Такой подход подрывает идею суверенного государства, а также размывает ту идентичность, которая сложилась в рамках определенных границ. Третий подход Асснер называет диалектичным и прогрессивным. Уничтожение одних границ ведет к появлению новых, образуемых в новых местах и на иных основаниях. Само представление о границах меняется. Их природа становится сложнее, их труднее обнаружить, так как эти границы не обязательно физически осязаемы. Требуется усилие или исследование, чтобы опознать их в новых местах. Выделяя эти подходы, Асснар имел в виду изменение сущности границы в связи с интеграционными процессами в ЕС, когда исследователи подняли вопрос об актуальности традиционных границ, утверждающих суверенитет и независимость государств (Hassner 2002).

В статье эти три подхода рассматриваются как сменяющие друг друга этапы, отражавшие различное понимание охраны и защиты морских границ Балтий-

ского моря со второй половины 1940-х гг. до наших дней. В зависимости от того, какие представления получали преобладающее доминирование, мы выделяем три периода:

«Консервативный» период (1945–1988) – время, когда Балтийские государства стремились закрепить свои национальные морские границы, а охрана внутренних вод была ведущим внешнеполитическим приоритетом на фоне соперничества СССР и его сателлитов с НАТО в рамках «Холодной войны». Границы в это время воспринимались как четко очерченные линии, позволяющие отделить территорию одного государства от другого.

«Революционный» период (1989–2005) – объединение Германии и крушение СССР привело к изменению границ и появлению новых государств в Балтийском регионе. Это время окончания «холодной войны» и стремительного расширения Европейского союза в балтийском регионе, когда новые и прежние границы стали местом трансграничного сотрудничества и взаимодействия. Это было время преодоления старых барьеров (привлечение бывшими социалистическими странами западных инвестиций, начало сотрудничества на уровне некоммерческих организаций и т.п.), когда главные усилия направлялись на развитие сотрудничества между восточной и западной Европой, сокращение и устранение дисбалансов и разрывов, которые образовались в годы холодной войны. По этому же пути пошло и сотрудничество в вопросах защиты окружающей среды Балтийского моря. Расширение ЕС в балтийском регионе привело к тому, что море стало практически единым целым, за исключением небольших участков, принадлежащих России.

«Прогрессивный» период (2006 – по настоящее время) – когда существующие государственные границы получили новые смыслы и предназначение. После принятия в 2007 г. плана по спасению Балтийского моря (The Baltic Sea Action Plan) прежние границы Балтики между странами приобрели новый смысл. С одной стороны, на первый план вышла забота о естественных границах моря, которые устанавливают не политики, а ученые. Поэтому важное значение приобрели «горячие точки» (hot spots) на территории балтийских государств – очаги значительной концентрации простейших сине-зеленых водорослей, которые должны быть удалены балтийскими странами до 2021 г. С другой стороны, разногласия и споры в рамках государственных границ приобрели новый масштаб и измерение, как это было в случае с международными переговорами о прокладке газового трубопровода «Северный поток».

«Консервативный» период: границы Балтийского моря в эпоху холодной войны (1945–1988)

а) делимитация континентального шельфа

После окончания Второй мировой войны Балтийское море стало ареной соперничества Восточного блока (во главе с СССР) и стран, вошедших в Североатлантический Союз (НАТО). Доминирование Советского Союза и его сателлитов было неоспоримым благодаря трем факторам. Во-первых, значительная часть береговой линии по итогам Второй мировой войны принадлежала либо СССР, либо восточноевропейским союзникам Москвы. Советскому Союзу удалось не только закрепить за собой всю Прибалтику (Латвия, Литва, Эстонии), но и оторгнуть от побежденной Германии Восточную Пруссию, территория которой была поделена между СССР и социалистической Польшей. В итоге в СССР была образована нынешняя Калининградская область, а Польша получила выход к Балтийскому морю от Гданьского залива до Щецинского залива. Советская оккупационная зона в Германии, превращенная в 1949 г. в Германскую Демократическую Республику (ГДР), также располагала прибрежной линией, простиравшейся от Любекской бухты на западе до Поморской бухты на востоке. Таким образом, свыше 1/3 Балтийского побережья (часть восточного и почти все южное) принадлежала странам из социалистического лагеря. Кроме того, Швеция и Финляндия подтвердили статус нейтральных государств. Также Финляндия установила добрососедские отношения и взаимовыгодные экономические связи с СССР. Из всех Балтийских стран в то время лишь Дания (с 1949) и ФРГ (с 1955) являлись членами НАТО. Особую угрозу для мира в регионе, по мнению руководства Советского Союза, представляла внешняя политика Западной Германии, на территории которой были размещены американские военные базы. Согласно доктрине Хальштейна, официальный Бонн отказывался признавать как существование ГДР, так и германо-польскую границу вдоль рек Одер – Нейсе. В свою очередь, Советский Союз придерживался противоположного взгляда на германский вопрос, заявляя, что объединение возможно только на основе общественно-политической системы, оформившейся в ГДР (Gray 2003).

Противоборство вокруг германо-германской и германо-польской границ, жесткая позиция правительства Аденауэра по вопросу дипломатического признания ГДР и Польши, вступление ФРГ в НАТО – все эти факторы подтолкнули страны социалистического лагеря начать процесс делимитации границ в Балтийском море между собой. На протяжении конца 1950–1960-х гг. было заключено пять двусторонних договоров между СССР, Польшей, ГДР и Финляндией (единственной несоциалистической страной) о разграничении континентального шельфа на Балтике. Советско-польские (1958, 1969), советско-финские (1965, 1967) и германо-польское (1968) соглашения устанавливали четкие морские границы для материковой отмели Балтийского моря (Franckx 1996).

Все эти соглашения были направлены на закрепление за собой морских границ странами социалистического лагеря в условиях, когда их существование оспаривались правительством ФРГ. Следовательно, вышеупомянутые договоры были важными инструментами международной и государственной политики для Советского Союза и его союзников, с помощью которых подтверждалось доминирование в восточной и южной части Балтийского побережья. Устанавливая границы между суверенными государствами, эти соглашения выполняли важную «консервативную» функцию в разграничении сфер влияния на международной арене, закрепляя часть Балтики за странами Варшавского пакта.

Ослабление международной напряженности в отношениях между СССР и США повлияло и на Балтийские страны, открыв возможности для урегулирования пограничных вопросов. Новая восточная политика ФРГ имела ряд важных последствий для балтийских стран. Во-первых, она позволила подписать договор об основах взаимоотношений между ФРГ и ГДР (1972), что привело к установлению дипломатических отношений между странами и признанию германо-германской границы. Также в рамках нового внешнеполитического курса западногерманское правительство признало послевоенную германо-польскую границу и заключило с Польшей договор об основах взаимных отношений (1970). Во-вторых, эти соглашения (к которым стоит добавить германо-чехословацкий договор 1973) хотя и не стали вехой с точки зрения нового подхода к установлению границ в Балтийском регионе, но позволили расширить «позитивный» процесс делимитации на другие балтийские страны, не входившие в социалистический лагерь. Уже в 1972 было подписано финско-шведское соглашение о разграничении континентального шельфа. За ним последовали германо-германское соглашение о разграничении Любекского залива (1974), соглашение между ФРГ и Данией (1977) и договор о делимитации между ГДР и Швецией (1978). Все эти договоры, заключенные и между странами с различным общественно-политическим устройством, продолжали общее направление по разграничению национальных прибрежных границ с целью закрепить свои морские границы на Балтике. Сам процесс не протекал безболезненно. ФРГ и ГДР так и не смогли полностью делимитировать границу Любекского залива, а ФРГ и Дания не урегулировали разногласия, касавшиеся рыболовства в пограничных зонах. В дальнейшем, уже в 1980-е гг., благодаря перестройке в СССР и политическим переменам в Восточной Европе балтийские страны стали активнее участвовать в переговорах об определении границ континентального шельфа. Хотя в большинстве случаев речь шла о спорных территориях или уточнениях предыдущих соглашений, с 1985 по 1991 г. подписано примерно столько же договоров о делимитации на Балтике, сколько за весь послевоенный период (Franckx 1996).

б) Национальные границы и защита окружающей среды Балтийского моря

Эпоха разрядки открыла путь и к сотрудничеству в сфере защиты окружающей среды. В послевоенное время Балтийское море, считавшееся экологически благополучной частью Атлантического океана, активно эксплуатировалось всеми прибрежными государствами. Но уже к концу 1960-х гг., благодаря наблюдениям Международного совета по исследованию моря (ICES), стало окончательно ясно, что дальнейшее бесконтрольное использование моря может привести к его деградации и вымиранию (VanDeever 2011: 45–46). Главной причиной ухудшения экологического состояния Балтийского моря была признана проблема антропогенной эвтрофикации. Неконтролируемый выброс биогенных веществ (фосфора и азота) в море в результате развития промышленного и сельскохозяйственного производства в регионе привел к цветению воды и изменению экосистемы Балтики. Посредничество Финляндии между СССР и западными странами позволило заключить в Хельсинки в 1974 г. первую многостороннюю конвенцию об охране морской среды Балтийского моря (Räsänen & Laakonen 2008). Хельсинская конвенция 1974 года вступила в силу в мае 1980 года, после ратификации всеми странами, имевшими тогда выход к Балтийскому морю (ГДР, Дания, Польша, СССР, Финляндия, ФРГ, Швеция). Исполнительным органом Хельсинкской конвенции стала Хельсинкская комиссия (далее – ХЕЛКОМ), которая взяла на себя роль экологического координационного центра по мониторингу и оценке состояния Балтийского моря.

Мотивы, заставившие балтийские страны подписать общее соглашение, были различными. Германия, Дания, Швеция и Финляндия, обеспокоенные стремительным загрязнением Балтики, проявляли все больший интерес к комплексной политике по улучшению окружающей среды. Благодаря возраставшему давлению со стороны научного сообщества и активистов зеленых на правительства развитых стран вопрос о сохранении природных ресурсов занял одно из ведущих мест в международной повестке дня на рубеже 1960–1970-х гг. (McCormick 1991). Озабоченность состоянием Балтийского моря на межправительственном уровне следует рассматривать в контексте подъема международного движения за сохранение природы.

Руководство Советского Союза, также обеспокоенное уровнем загрязнения Балтийского моря, в первую очередь ориентировалось на решение собственных внутри- и внешнеполитических задач, слабо связанных с природоохранной международной кооперацией. В понимании брежневского руководства статус великой державы необходимо подтверждать и участием в крупных международных событиях и соглашениях, некоторые из которых Советский Союз готов был организовать у себя. С конца 1960-х гг. СССР участвовал в конкурсе за принятие у себя летних Олимпийских игр. Этот фактор стимулировал интерес СССР

к Хельсинкской конвенции, принятие которой означало де-факто взятие на себя обязательств по сооружению новейших очистных сооружений к моменту официального открытия международных спортивных соревнований (Darst 2001: 59–63).

Не стремясь к полностью прозрачному и открытому сотрудничеству, Советский Союз настоял на том, чтобы Конвенция 1974 г. не регулировала природоохранную политику государств в рамках их национальных границ. Документ касался в первую очередь нейтральной части Балтийского моря. В условиях холодной войны и взаимного недоверия возможности сотрудничества имели свои пределы. Поэтому это соглашение наряду с процессом делимитации морских границ, на наш взгляд, органично вписывается в «консервативный» период, когда на первый план выходила забота государства о защите собственных границ. В подобном ключе стоит оценивать и декларацию ХЕЛКОМ 1988 г. о сокращении выбросов биогенных веществ на 50% к 1995 г., одобренную министрами всех балтийских стран. Этот документ был принят в совершенно иной международной обстановке, когда СССР под руководством Горбачева взял курс на более активную и открытую внешнюю политику, в том числе и по вопросам охраны окружающей среды (Darst 2001: 63–66). Тем не менее, согласно министерской декларации, каждая из сторон обязывалась в границах своих внутренних вод достигнуть радикального уменьшения попадания вредных веществ в водосборный бассейн Балтийского моря. Хотя это поворотное решение в истории ХЕЛКОМ, его так и не удалось выполнить к обозначенному сроку, декларация 1988 г. помогла определить обширный список опасных веществ, требующих выделения и очищения из выбросов, попадающих в Балтийское море (Selin & VanDeveer 2004: 154).

«Революционный» период: крах биполярной системы и расширение Европейского союза в Балтийском регионе (1989–2005)

Важным последствием перемен во взаимоотношениях Советского Союза и стран Запада стало формирование нового отношения к границам, в том числе к существующим разделительным линиям на Балтийском море. Ключевым событием, которое стало прологом к новому, «революционному» периоду в отношении границ, можно назвать объединение Германии в 1990 г. Для Балтийского региона это событие стало поворотной вехой. Воссоединение Германии окончательно положило конец холодной войне в Балтийском море. Последовавший вскоре распад СССР в 1991 г., появление на политической карте Европы независимых прибалтийских государств открыли возможности для пересмотра и переосмысления прежних границ Балтийского моря.

В полной мере «революционный» период отмены границ с 1992 по 2005 проявил себя через процесс расширения Европейского союза в Балтийском регионе.

В 1995 г. в ЕС вступили Швеция и Финляндия, в то время как Латвия, Литва, Польша и Эстония стали кандидатами на вступление. В 2004 г. все они также вступили в ЕС. Таким образом, только Россия в Балтийском регионе не является членом Евросоюза. Кроме того, все эти страны в разное время стали участниками Шенгенского соглашения, предусматривавшего отмену пограничного контроля внутри ЕС (в 1995 г. – Германия, в 2001 г. – Дания, Финляндия и Швеция). К концу 2007 г. окончательно сложилось единое шенгенское пространство в Балтийском регионе, когда к нему присоединились прибалтийские государства и Польша.

Другой важной инициативой Европейского союза стал проект «Северное измерение», нацеленный на развитие трансграничного сотрудничества между северными странами, прибалтийскими государствами и Россией. Этот проект, реализуемый с 1997 г., работал на преодоление границ и барьеров в регионе посредством реализации различных совместных проектов, в т.ч. по охране окружающей среды. С 1998 г. стал работать постоянный секретариат Совета государств Балтийского моря, международной организации, созданной в 1992 г., после образования в регионе новых независимых государств. Несмотря на разногласия России и западных стран по поводу вступления Латвии, Литвы, Польши и Эстонии в НАТО, все 1990-е гг. проходили под знаком формирования «расширенной Европы» (Aalto 2006).

Именно в это время получает широкое распространение негативное отношение к границе, воспринимающейся как препятствие в развитии Балтийского региона, доставшееся в наследие от холодной войны (Tassinari [et al] 2003). С другой стороны, границы между странами и регионами переосмысливаются как точки разрыва и неравенства, позволяющие увидеть отличия в социально-экономических и политических возможностях соседствующих стран, влияющих как на процесс, так и на результат трансграничного сотрудничества (Joas M [et al] 2008).

Неравномерность в применении природоохранных мер и несоразмерность вклада стран региона в решение экологических проблем Балтийского моря повлияли на негативное отношение к государственным границам. Все это проявилось в деятельности ХЕЛКОМ. В 1990 г. в Роннебю была принята Декларация Балтийского моря и утверждена Совместная программа действий в области окружающей среды. Для выполнения стратегической цели программы – воссоздания устойчивого экологического баланса – был создан Комитет действий (Task Force), призванный координировать общие усилия по выполнению природоохранных мероприятий. Вскоре после распада СССР в состав ХЕЛКОМ вошли четыре бывшие советские республики – Латвия, Литва, Россия и Эстония. В свете новой международной обстановки Комиссия в 1992 году подготовила новую Конвенцию по защите морской среды Балтийского моря. К ней также прилагалась «Балтийская совместная всеобъемлющая программа

природоохранных мер» (The Baltic Sea Joint Comprehensive Environmental Action Programme (JCP)), в которой указывались основные «горячие точки» и источники загрязнения Балтийского моря. Национальные границы по всему Балтийскому морю были использованы как маркеры для обозначения степени загрязненности территориальных вод того или иного государства. С другой стороны, нанесение на карту «горячих точек», т.е. акваторий моря, подвергшихся наиболее сильному загрязнению фосфатами и нитратами, подчеркивало всю условность государственных границ на Балтике с точки зрения решения этой проблемы (HELCOM 1993). Особенно хорошо это было заметно в трансграничных районах, где проблема могла быть решена лишь совместными усилиями. Например, отсутствие современных очистных сооружений в Калининграде – проблема не только для местных властей, но и соседей по Балтийскому морю в лице Дании, Швеции, Польши. Очистка сильно загрязненного Финского залива не может быть выполнена силами одной Финляндии. Без участия Санкт-Петербурга и Ленинградской области как крупнейшего мегаполиса и загрязнителя Балтийского моря кардинально решить проблемы Финского залива невозможно (Kern 2011: 29–30, Отчет 2005: 98, 106). Поэтому в Конвенцию были включены необходимые меры по природоохранной политике в рамках национальных территорий для всех стран, ее подписавших (HELCOM 1993: XV).

Однако утвержденная в 1992 г. программа применения первоочередных действий ХЕЛКОМ (HELCOM PITF) при исполнении натолкнулась на трудности, связанные с неспособностью бывших социалистических стран выполнить весь объем обязательств, одобренных в 1988–1992 гг. Если в Германии, Швеции, Дании и Финляндии добились заметного улучшения качества вод Балтийского моря в рамках своих границ в 1970–1980-е гг., то ситуация с загрязнением акватории бывших социалистических стран ухудшилась. Все это накладывалось на трудности перехода к рыночной экономике, когда нехватка денег на исполнение первоочередных государственных обязательств (выплата зарплат, обслуживание госдолга и т.п.) делала невозможным проведение собственными силами мероприятий по модернизации и обновлению очистных сооружений. В таких условиях экономически развитые страны перешли к практике транснационального субсидирования международных проектов по восстановлению экосистемы Балтийского моря. Этот принципиально новый механизм взаимодействия между западными и бывшими социалистическими странами работал на переосмысление прежних границ в международной природоохранной политике. Если раньше и речи не было о том, чтобы Советский Союз мог принять напрямую какую-либо финансовую и технологическую помощь в рамках сотрудничества по защите окружающей среды, то с 1990-х гг. Россия и бывшие соцстраны, оказавшиеся не в состоянии обслуживать всю свою инфраструктуру, согласились на содействие более богатых и развитых стран по региону. При этом

важное отличие заключалось в том, что прибалтийские государства и Польша, взявшие курс на вступление в ЕС, использовали механизм транснационального субсидирования активнее и эффективнее, чем Россия. Российские власти за все 1990-е гг. так и не сумели создать условия для целевого использования западной помощи в деле строительства новых очистных сооружений (Darst 2001: 80–84, Отчет 2005: 94–95).

Поскольку трансграничное и международное сотрудничество стало обязательным условием в деле спасения биоразнообразия Балтийского моря в 1990-е гг., видным и активным актором в решении природоохранных проблем стали некоммерческие организации (НКО). Прежде всего это выразилось в росте влияния Хельсинкской комиссии, решения и рекомендации которой стали основой для создания национальных планов действий по Балтийскому морю. ХЕЛКОМ стала координирующим центром обширной сети институционализированных инициатив и неправительственных организаций, занимающихся разными аспектами сохранения живой природы. Центрообразующая роль ХЕЛКОМ стала общепризнанной благодаря вхождению комиссии ЕС в ее состав с правом голоса в 1992 г. Хотя все страны, вошедшие в ЕС, должны были согласовать свои законы с общеевропейским законодательством в сфере окружающей среды, роль ХЕЛКОМ в формулировании принципов природоохранной политики не пострадала. Все рекомендации ХЕЛКОМ, не имеющие обязательного статуса для исполнения странами-участницами, согласовываются с основными параметрами европейского законодательства. Итогом подобной «гармонизации» стало принятие стратегии Европейского союза для региона Балтийского моря в 2009 г., куда вошли рекомендации и мероприятия по спасению окружающей среды, разработанные ХЕЛКОМ (VanDeever 2011: 39–51).

Процесс делимитации Балтийского моря, «консервативный» по своей сути, тем не менее также не избежал влияния «революционного» подхода к границам. Помимо традиционных двусторонних соглашений по разграничению территорий, в этот период начали заключаться трехсторонние договоры по делимитации морского пространства. Шведско-польско-советское (1989), эстонско-латвийско-шведское (1997), эстонско-финляндско-шведское (2001) соглашения были подписаны после того, как были оформлены двухсторонние договоры между Польшей и Швецией (1989), Эстонией и Латвией (1997), Эстонией и Финляндией (1996) соответственно. После распада СССР и образования новых государств потребовалось провести делимитацию границ как внутри некогда единого советского пространства, так и с их новыми соседями. Этот процесс проходил интенсивнее и быстрее по сравнению с периодом холодной войны, когда переговоры между балтийскими странами растянулись на долгие десятилетия. Очевидно, что курс на создание общего балтийского пространства стимулировал разные стороны активнее и быстрее добиваться взаимного согласия (Franckx 2001).

«Прогрессивный период»: экологическое сотрудничество versus энергетическая безопасность (2006 – по настоящее время)

а) «Северный поток»: где лежит граница между национальным суверенитетом и коммерческой выгодой?

Вступление бывших соцстран и союзных республик в Евросоюз в 2004 г. означало, что балтийский регион приобретает новые очертания. Четкая разделительная линия отныне проходила на границе ЕС с постсоветскими республиками (Россия, Беларусь, Украина). Кроме того, внутри балтийских стран ЕС вместо прежних границ, на которых ранее осуществлялся пограничный контроль, стали стремительно образовываться «прогрессивные» линии и барьеры, которые иногда подчас совершенно неожиданно подчеркивали ощутимое различие между развитыми и постсоциалистическими странами. Это особенно проявилось во время мирового кризиса 2008–2009 гг., когда сильный спад производства (прибалтийские страны) или замедление экономического роста (Польша) вызвал отток трудоспособного населения в развитые страны. Хотя последние также пострадали от рецессии, но они все равно остались экономически привлекательными для трудовых мигрантов из стран ЕС с более низким жизненным уровнем.

Россия, как единственная страна в балтийском регионе, не вошедшая в ЕС, также имела немало разделительных линий с объединенной Европой. Помимо собственно государственной границы, прохождение которой с 2007 г. требовало обязательного визового контроля, Россия с начала 2000-х гг. стала проводить более сдержанную политику по сближению с ЕС. Хотя процесс этот проходил неравномерно и по-разному, в различных сферах трансграничного сотрудничества межгосударственные границы вновь обретали прежнее значение. Новое руководство страны все чаще заявляло о стремлении защищать и охранять интересы суверенного государства, в том числе и в Балтийском регионе (Сергунин 2004 : 22–23). Наряду с традиционными военно-геополитическими разногласиями между Россией и балтийскими странами, такими, как создание ПРО в Польше, расширение НАТО и вопрос о подписании договоров о границе между Россией с одной стороны, и Эстонией и Латвией с другой стороны, в 2000-е г. появились и новые расхождения. Уже к середине 2000-х гг. на первый план по значению вышла проблема энергетической безопасности, как балтийского региона, так и ЕС в целом. В связи с многократным ростом цен на энергоносители между Россией и ЕС начал обсуждаться вопрос о новых путях транспортировки газа в дополнение к существующим трубопроводам, проложенным через Беларусь и Украину. Еще в конце 1990-х гг. российская компания «Газпром» изучала возможности прокладки газовой трубы по дну Балтийского моря, но тогда проект был признан нерентабельным. Однако за несколько лет ситуация с экспортом газа изменилась радикально: потребление газа в Европе выросло, цены взлетели

вверх, заставив заинтересованные стороны переоценить выгоды от строительства подводной газовой трубы (Riley 2008). В 2005 г. идея построить газопровод в Балтийском море в обход сухопутных границ была озвучена как совместный проект Газпрома и немецких компаний «E.ON Ruhrgas» и «BASF» с одобрения лидеров государств – Президента РФ В.В. Путина и Канцлера Германии Г. Шредера. Сам маршрут и собственно компания получили название «Северный поток» (Nord Stream AG).

Однако сразу же «Северный поток» стал объектом острой дискуссии между балтийскими странами, в которой переплелись вопросы суверенитета национальных морских границ, экологической безопасности моря и экономической целесообразности этого масштабного проекта. Конфликт вокруг этих проблем стал для многих наблюдателей и экспертов ключевой вехой, свидетельствовал о возрождении имперских амбиций России по отношению к соседским странам по Балтийскому региону (Smith 2006, Larsson 2007). Однако возрожденная к жизни риторика холодной войны озвучивалась политиками и учеными в совершенно иных геополитических условиях, кардинально отличавшихся от эпохи биполярного противостояния. Смысл разногласий по прокладке трубопровода по дну моря касался условий допуска проекта в территориальные воды балтийских государств. «Прогрессивная» граница в отношении стран к реализации «Северного потока» пролегала по истории их взаимоотношений с СССР. Те страны, которые занимали оборонительные позиции или сумели установить равноправные и добрососедские отношения с восточным соседом, в эпоху холодной войны положительно восприняли эту инициативу. Члены НАТО – Дания, Германия и нейтральная Финляндия изначально были готовы участвовать в проекте и пустить трубопровод в свои воды при условии тщательной проработки плана строительства, ведущее место в котором отводилось экологической безопасности. Наоборот, Польша, как бывший союзник Москвы по ОВД, и прибалтийские страны, бывшие еще совсем недавно частью Советского Союза, были резко против осуществления проекта. В непростом «промежуточном» состоянии по отношению к проекту оказалась Швеция. В годы холодной войны нейтральная Швеция зорко следила за безопасностью своих границ. Конфликт по поводу внезапного появления советской подлодки С-383 в районе секретной военной базы в 1981 г. был воспринят как сигнал к укреплению обороноспособности собственных территориальных вод. Швеция, которая в отличие от Финляндии не имела традиции тесных взаимоотношений с СССР в послевоенное время, с подозрением восприняла сам факт возможной прокладки трубопровода в шведской части Балтийского моря. Спустя четверть века после инцидента с советской субмариной шведы вновь почувствовали для себя угрозу от соседа, с которым они имели мало общего. Военно-стратегический аспект прокладки газопровода играл ведущую роль во внутриполитической дискуссии, касавшейся присоединения Швеции к «Северному потоку». В 2009 г. Швеция дала согласие

на строительство трубы, когда концерн предоставил гарантии по экологической безопасности предполагаемого маршрута (Whist 2008: 37, 50–54).

Наиболее поразительной чертой споров о прокладке «Северного потока» в водах балтийских государств являлось чувствительное восприятие уязвимости национальных границ. «Консервативное» видение проблемы «Северного потока» как потенциальной угрозы национального суверенитета для одних стран ЕС накладывалось на «революционное» представление о выгодах совместного коммерческого предприятия для других государств ЕС. Пока новые члены Евросоюза указывали на значимость проекта исключительно для российско-германских отношений, проводя алармистские аналогии с 1939 годом, Германия представляла проект как паневропейский, несущий выгоды всем его участникам (Whist 2008: 18, 52). Но стороны остались при своих взглядах: «Северный поток», официально открытый 8 ноября 2011 г., прошел через территориальные воды России, Финляндии, Швеции, Дании и Германии, оставив в стороне Эстонию, Латвию, Литву и Польшу. Подводный трубопровод стал де-факто осязаемой «прогрессивной» линией, которая разделила развитые и развивающиеся страны ЕС Балтийского региона.

б) План действий по Балтийскому морю (ПДБМ): создание единого экологического пространства?

Конфликт вокруг прокладки газопровода помимо внешнеполитических разногласий выдвинул на первый план озабоченность экологическим состоянием Балтийского моря. Противники «Северного потока» активно использовали аргументы, касающиеся негативного воздействия проекта на флору и фауну Балтики. Реагируя на критику, акционеры трубопровода вынуждены были провести тщательную экологическую экспертизу воздействия «Северного потока» на жизнедеятельность моря. Согласно отчету, представленному в феврале 2009 г., строительство газовой трубы на дне моря не будет угрожать экосистеме Балтики. Хотя проект мало убедил оппонентов из прибалтийских стран, само его появление означало возросшую роль ученого сообщества в одобрении ключевых международных проектов Балтийского моря. Страны, возражавшие против «Северного потока», также полагались на независимые экологические экспертизы и оценки. В этих суждениях воздействие проекта на окружающую среду оценивалось негативно.

Такая оценка ученого сообщества при принятии решений, имевших большое международное значение, четко указывала на приоритет проблемы спасения Балтийского моря от экологической деградации в начале XXI в. Научные исследования о природных границах и частях моря окончательно приобрели политический смысл. Рекомендации ХЕЛКОМ легли в основу новой природоохранной стратегии – Плана действий по Балтийскому морю (ПДБМ). 15 ноября 2007 года

План был одобрен всеми балтийскими государствами – членами ЕС и Россией. Основными его приоритетами являются проблемы эвтрофикации, опасных веществ, биологического разнообразия, морская деятельность**.** Главной целью Плана была объявлена борьба с антропогенной эвтрофикацией посредством снижения биогенных выбросов в море. В основе подхода к решению этой проблемы лежит ***стратегия адаптивного управления***, смысл которой – снижение негативного антропогенного влияния на естественные процессы в экосистеме Балтийского моря (HELCOM 2009).

Новыми осязаемыми природными границами стали источники эвтрофикации – «горячие точки», которые нанесены на карту Балтийского моря. Несмотря на разнесенность этих точек по странам, их размеры лишь условно совпадают с национальными границами (табл. 1). В отличие от более-менее стабильных государственных границ, «горячие точки» могут исчезнуть или появиться в зависимости от проводимой природоохранной политики. Некоторые из них являются общей проблемой для стран, расположенных по соседству друг с другом (табл. 2). Хотя удаление «горячих точек» стало актуальной проблемой для балтийских стран еще в 1990-е гг., трансграничное сотрудничество в виде целевых проектов начало развиваться после утверждения ПДБМ. Решающим фактором для интенсификации взаимодействия стало расширение ЕС и, как следствие, полноценное включение Балтийского региона в орбиту интеграционной политики. В октябре 2009 г. Европейский совет одобрил «Стратегию ЕС для региона Балтийского моря». Главным приоритетом стратегии является «придание устойчивости окружающей среде в регионе Балтийского моря» и связанные с этим меры по сокращению выбросов биогенных веществ, развитие безопасного судоходства, уменьшение негативного воздействия на природу Балтики опасных веществ, сохранение биологического разнообразия и смягчение последствий изменения климата (Стратегия 2009). Масштабность экологических проблем и их надтерриториальный характер стимулировали кооперацию балтийских стран ЕС по трем линиям взаимодействия: трансграничные программы (cross-border cooperation programme), наднациональные программы (transnational cooperation programme) и межрегиональные программы сотрудничества (interregional cooperation programme) (табл. 2).

Таблица 1. **Территориальная принадлежность горячих точек**

Страна	**Общее количество горячих точек**	**Количество удаленных горячих точек (июнь 2011)**
Беларусь	3	0
Германия	8	8
Дания	4	1
Латвия	9	2
Литва	16	13

Польша	35	22
Россия	18 (19)[1]	2 (13)[2]
Украина	1	0
Финляндия	10	9
Швеция	12	7
Чехия	3	1
Эстония	13	8
Всего	132	73

Источник: HELCOM, 2003.

Таблица 2. **Трансграничное сотрудничество по удалению горячих точек**

Государства	**Географическое расположение и номер в списке горячих точек ХЕЛКОМ**	**Источник(и) загрязнения**	**Название проекта**
Эстония/Латвия	Рижский залив (№ 37)	нет точных данных	Программа «Эстония-Латвия» 2007–2013
Чехия/Польша	Верхний бассейн р. Одер (№ 111)	стоки горнодобывающих предприятий	Программа «Польша-Чехия» 2007–2013
Литва/Россия	Куршский залив (№ 66)	сточные воды р. Неман	ARTWEI (часть программы «Южная Балтика»)
Россия/Польша	Вислинский залив (№ 73)	сточные воды р. Преголя	ARTWEI
Польша/ Германия	Щецинская лагуна (№ 113)	стоки промышленных предприятий г. Щецина	ARTWEI
Дания/Швеция	пролив Эресунн (№ 123–125)	сельскохозяйственные стоки	ARTWEI
Финляндия/ Германия/ Латвия/Литва/ Беларусь	реки Неман (Брест-Барановичи-Гродно-Каунас № 51, 61, 93) и Западная Двина (Витебск-Даугавпилс № 46–47)	стоки промышленных предприятий и местные водоканалы	PRESTO

Источник: European Territorial Cooperation. Режим доступа: http://ec.europa.eu/regional_policy/cooperate/cooperation/index_en.cfm

Характер трансграничного сотрудничества в вопросах природоохранной политики выразился в степени интенсивности и эффективности контактов между разными сторонами. «Прогрессивная» граница теперь разделяет не

столько собственно государственную границу, по обе стороны которой осуществляется сотрудничество, сколько политику и цели государства или всего Союза, которыми руководствуются при участии во взаимодействии. Например, проект «Укрепление целостности окружающей среды трансграничных переходных вод в районе Южной Балтики» (ARTWEI), реализуемый на пограничных территориях Литвы, России, Польши, Германии, Дании и Швеции, сталкивается с трудностями по согласованной реализации целей из-за нератификации Россией Конвенции об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте (Конвенция Эспо). Большой проблемой для осуществления подобных проектов является и необязательное для соседних стран с ЕС, таких как Россия, Беларусь и Украина, выполнение Рамочной водной директивы ЕС, устанавливающей жесткие параметры по очистке сточных вод. Ее решение страны ЕС также видят в развитии трансграничных проектов, помогающих соседним странам реконструировать или строить заново очистные сооружения для снижения транснациональной биогенной нагрузки на водосборный бассейн Балтийского моря (ARTWEI). С 2007 г. в разных местах Балтийского региона началась реализация таких программ. После запуска в 2010 г. проекта ARTWEI, в июне 2011 г., начался масштабный трансграничный проект PRESTO по внедрению технологий по очистке вод не только в Латвии и Литве, но и в Беларуси, которая, не являясь ни членом ХЕЛКОМ, ни ЕС, тем не менее вносит свой ощутимый «вклад» в эвтрофикацию Балтийского моря. Реки Западная Двина и Неман, протекающие в том числе по Беларуси, сильно загрязнены и требуются комплексные меры транснационального характера, чтобы улучшить качество воды двух приграничных рек (PRESTO). Однако даже самое успешное трансграничное сотрудничество имеет свои ограничения. Поэтому оценивать масштабы такого сотрудничества стоит, опираясь не только на то, что необходимо сделать для решения проблемы, но и понимая, что точно не может быть реализовано участвующими сторонами в существующих условиях, проистекающих из отличий в экономическом развитии стран и регионов, различной законодательной базы по природоохранной политике, разном понимании общих ценностей и приоритетов и т.д. (Majone 1989; Darst 2001). Разработчики ПДБМ, ставя перед членами ХЕЛКОМ амбициозную цель по восстановлению надлежащего экологического состояния морской среды Балтийского моря до 2021 года, уже сейчас сталкиваются на практике с серьезными институциональными ограничениями, не позволяющими говорить о скором выполнении задач, необходимых для создания общего природного пространства (Pihlajamäki & Tynkkynen 2011).

Осознание первоочередной важности экологических проблем связанно с проблемой безопасности Балтийского моря как региона ЕС. В 2008 г., в самый разгар споров о прокладке трубопровода Nord Stream, по инициативе Швеции и Финляндии состоялась первая встреча участников организации «Сотрудничество по наблюдению за поверхностью Балтийского моря» (SUBCAS). В 2009 г. в

организацию вошли все балтийские страны-члены ЕС, озабоченные проблемой охраны балтийских вод. Сотрудничество по мониторингу ситуации на Балтике и обмену информацией носило военно-стратегический характер. Само появление такой организации объяснялось ростом осознания рисков, связанных с интенсивным использованием Балтийского моря как ведущего транспортного и энергетического маршрута. Однако полноценная интегрированная морская политика в регионе невозможна без участия России. Россия не является членом Сотрудничества и пока не планирует налаживать диалог по проблемам безопасности моря, предпочитая взаимодействие в рамках стратегического партнерства ЕС-Россия, или прямые двухсторонние контакты с соседними государствами. Следовательно, можно провести еще одну «прогрессивную» границу, разделяющую балтийские страны ЕС и Россию. Страны, входящие в организацию Сотрудничества, несмотря на международные противоречия, предпринимают усилия для возникновения общего пространства, в то время как Россия, признавая себя частью Балтийского региона, предпочитает действовать как независимый и обособленный игрок. В этом случае прогрессивной границей является разница во взгляде на сотрудничество. Обе стороны, как Россия, так и ЕС, прежде всего отстаивают свои собственные интересы, но члены Европейского союза делают это в рамках активного регионального сотрудничества, декларируя общие принципы и приоритеты развития Балтийского региона. Но без России, которая избирательно и непоследовательно участвует в развитии трансграничного партнерства, создание даже общего экологического пространства выглядит в перспективе до 2021 г. проблематичным.

Заключение

История Балтийского региона в послевоенное время тесно переплетена с основными тенденциями европейской международной политики. Холодная война, интеграционные процессы, усилия нейтральных стран по достижению компромиссов и договоренностей между противоборствующими сторонами – все эти проблемы имели прямое отношение к внешней политике стран Балтийского моря. Сразу после окончания Второй мировой войны большинство прибрежных государств Балтийского моря стали участниками глобального противостояния, где разделяющей линией было участие/неучастие в военно-политических блоках. Окончательная утрата доверия между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции привела к созданию соперничающих военно-политических блоков: проамериканского Североатлантического альянса НАТО в 1949 г. и просоветской Организации Варшавского договора (ОВД) в 1955 г. Помимо разделения на блоки Балтийский регион в очередной раз за свою многовековую историю столкнулся с проблемой урегулирования пограничных споров. Избегая открытой конфронтации, балтийские страны еще в годы холодной войны на-

чали переговоры по урегулированию территориальных проблем, а также вопросов, касавшихся экологического состояния моря. Подписание Хельсинской конвенции по защите морской среды стало первым соглашением, под которым поставили подпись все страны Балтийского региона. Хотя возможности для кооперации были сильно ограничены, межгосударственное сотрудничество в рамках ХЕЛКОМ в 1970–1980-е гг. позволило наладить процесс обмена информацией за состоянием нейтральных вод и начать диалог между учеными разных стран. Регулярный сбор данных о состоянии моря и подготовка рекомендаций уже тогда влияли на природоохранную политику СССР и развитых балтийских стран. Однако их претворение на практике уже тогда сильно рознилось. Советский Союз и союзные социалистические страны мало преуспели во внедрении новых очистных сооружений, в то время как страны с рыночной экономикой заметно улучшили состояние своих водных границ к 1990 г.

Объединение Германии и распад СССР радикально изменили подход к границам в регионе. Границы, в годы холодной войны выполнявшие охранительную функцию, изменили свою функцию, став объектом преодоления и демонтажа, как в случае процесса европейской интеграции в балтийском регионе, или выступая в качестве опоры для развития трансграничного сотрудничества между партнерами, как это было, например, при создании проекта «Северное измерение». Природные границы Балтийского моря также, никуда не исчезнув, начали восприниматься как часть общего экологического пространства, которое нуждается в качественном обновлении при участии всех стран водосборного балтийского бассейна.

Однако процесс превращения пространства Балтийского моря практически во внутренний регион ЕС привел не только к унификации природоохранных стандартов для всех его членов, но и к появлению новых разделительных линий и границ, которые фиксировали различный подход и ценности к формированию общего балтийского пространства. Это кардинально изменило сам ракурс и характер конфликтов и разногласий в регионе. Спор относительно прокладки «Северного потока», неучастие России в организации «Сотрудничество по наблюдению за поверхностью Балтийского моря», ограниченная повестка общих вопросов и проблем для взаимодействия в рамках трансграничного сотрудничества между балтийскими членами ЕС и их соседями свидетельствует не столько о глубоком конфликте договаривающихся сторон, как это было в эпоху холодной войны, сколько о разном видении единого балтийского региона. И именно это различное представление о приоритетах развития и трансграничного сотрудничества оставляет вопрос о формировании общего пространства Балтийского моря открытым.

Литература

Aalto, P. European Union and the making of a wider northern Europe. New York, 2006.
Alvarez, R. The Mexico-U.S. Border: The making of an Anthropology of Borderlands. Annual Review of Anthropology. 1995.
Anderson, M. Frontiers: Territory and State Formation in the Modern World. Cambridge: Polity Press, 1996.
ARTWEI. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.balticlagoons.net/artwei/
Broek, J.O.M. The Problem of "Natural Frontiers": Frontiers of the Future. Berkeley: University of California, Committee on International Relations, 1941.
Cappelin, R. & Batey, P. Regional Networks, Border Regions, and European Integration. London: Pion, 1993.
Darst, R. Smokestack Diplomacy. Cooperation and Conflict in East-West Environmental Politics. Cambridge: The MIT Press, 2001.
Franckx, E. Maritime Boundaries in the Baltic Sea: Past, Present and Future. Maritime Briefing. № 2 (2). 1996. P. 1–25.
Franckx, E. New Maritime Boundaries Concluded in the Eastern Baltic Sea since 1998. The International Journal of Marine and Coastal Law. Vol. 16. № 4. 2001. P. 645–654.
Gray, G.W. Germany's Cold War: the Global Campaign to Isolate East Germany, 1949–1969. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2003.
Håkanson, L. & Bryhn, A.C. Eutrophication in the Baltic Sea: Present Situation, Nutrient Transport Processes, Remedial Strategies. New York: Springer Berlin Heidelberg, 2008.
Hassner, P. Fixed Borders or Moving Borderlands?: a New Type of Border for a New Type of Entity. Europe Unbound: Enlarging and reshaping the boundaries of the European Union. London: Routledge, 2002. P. 38–50.
HELCOM. Baltic Sea Environment Proceedings. № 48. 1993.
HELCOM. Baltic Sea Environment Proceedings. № 88. 2003.
HELCOM. Baltic Sea Environment Proceedings. № 115b. 2009.
Joas, M. [et al.] Governing a Common Sea: Environmental Policies in the Baltic Sea Region. London: Earthscan, 2008.
Joenniemi, R. Cooperation in the Baltic Sea Region. London: Taylor and Francis, 1993.
Jones, S. Boundary Concepts in the Setting of Place and Time. Annals of the Association of American Geographers. Vol. 49 (3). 1959. P. 241–255.
Kern, K. Governance for Sustainable Development in the Baltic Sea Region. Journal of Baltic Studies. Vol. 42. № 1. 2011. P. 21–35.
Larsson, R.L. Nord Stream, Sweden and Baltic Sea Security. Stockholm: FOI, 2007.
Majone, G. Evidence, Argument, & Persuasion in the Policy Process. New Haven,
CT: Yale University Press, 1989.
Mankoff, J. Russian Foreign Policy: The Return of Great Power Politics. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2011.
McCormick, J. Reclaiming Paradise: The Global Environmental Movement. Bloomington: Indiana University Press, 1991.
Minghi, J.V. From Conflict to Harmony in Border Landscapes. The Geography of Border Landscapes. New York: Routledge, 1991.
Paasi, A. Territories, Boundaries and Consciousness: The Changing Geographies of the Finnish-Russian border. Chichester: Wiley, 1996.

Pihlajamäki, M. Governing the Blue-Green Baltic Sea: Societal Challenges of Marine Eutrophication Prevention. Helsinki: FIIA, 2011.
Pounds, N. France and "Les Limites Naturelles" from the Seventeenth to the Twentieth Centuries. Annals of the Association of American Geographers. Vol. 44. 1954. P. 51–62.
PRESTO. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.prestobalticsea.eu/
Räsänen, T. & Laakonen, S. Institutionalization of an International Environmental Policy Regime: The Helsinki Convention, Finland and the Cold War. Governing a Common Sea: Environmental Policies in the Baltic Sea Region. London: Earthscan, 2008.
Ratti, R. Spatial and Economic Effects of Frontiers: Overview of Traditional and New Approaches and Theories of Border Area Development. Theory and Practice of Transborder Cooperation. Basel und Frankfurt am Main, 1993.
Riley, A. Nordstream: An Economic and Market Analysis of the North European Pipeline Project. Paper prepared for the European Parliament's Committee on Petitions, 29 January 2008. [Электронный ресурс.] Режим доступа: www.europarl.europa.eu/meetdocs/2004_2009/documents/dv/peti20080129_economicanalysisriley_/peti20080129_economicanalysisriley_en.pdf
Selin, H. & VanDeveer, S.D. Baltic Sea Hazardous Substances Management: Results and Challenges. Ambio. Vol. 33. № 3. 2004. P. 153–160.
Tassinari, F. (ed.) The Baltic Sea Region in the European Union: Reflections on Identity, Soft-Security and Marginality. Gdansk-Berlin, 2003. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www2.hu-berlin.de/ostseekolleg/virtual/online_pdf/paper8.pdf
Theodoropoulos, V. Borders: the Changing Importance of Territorial Supremacy. Athens: Sideris-ELIAMEP, 1999.
Topaloglou, L. The role and nature of borders. WP 2009. EastBordNet. COST Action IS0803. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.eastbordnet.org
Scott, W.J. Local Dimensions of a Wider European Neighbourhood: Developing Political Community through Practices and Discourses of Cross-Border Co-operation. WP 2006. EU Dimensions - Gdansk Workshop, 27–29 October 2006. Nijmegen Centre for Border Research and CIBR: QUB, 2006.
Smith, K.C. Russian Energy Politics in the Baltics, Poland, and Ukraine: A New Stealth Imperialism? Washington, DC: Center for Strategic & International Studies, 2004.
SUBCAS. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.eastbordnet.org
Van Houtum, H. The Development of Cross-border Economic Relations, a Theoretical and Empirical Study of the Influence of the State Border on the Development of Cross-border Economic Relations between Firms in Border Regions of the Netherlands and Belgium. Tilburg: CentER, 1998.
Van Houtum, H., Kramsch, O. & Zierhofer W. B/Ordering Space. Aldershot: Ashgate, 2005.
Van Deveer, S.D. Environmental Cooperation and Regional Peace: Baltic Politics, Programs and Prospects. Environmental Peacemaking. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2002.
Whist, B.S. Nord Stream: Not a Just Pipeline. Fridtjof Nansen Institute, 2008.
Отчет о результатах проверки «Аудит эффективности использования государственных средств, направленных в 2002–2003 годах на реализацию природоохранных мероприятий, обеспечивающих выполнение Конвенции по защите морской среды района Балтийского моря (Хельсинки) в Калининградской области, г. Санкт-Петербурге, Ленинградской области (в рамках международного параллельного аудита) совместно с Контрольно-счетной палатой Ленинградской области и Кон-

трольно-счетной палатой г. Санкт-Петербурга» от 11 марта 2005 г. // БЮЛЛЕТЕНЬ Счетной палаты Российской Федерации. 2005. № 6 (90). С. 91–112. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.ach.gov.ru/ru/bulletin/149/

Сергунин, А. Регионализация в регионе Балтийского моря: восприятие российских элит // Региональное измерение российско-балтийских отношений / под ред. Л.А. Карабешкина. СПб., 2004. С. 17–33.

Стратегия Европейского союза для региона Балтийского моря 2009. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.beac.mid.ru/doc.htm

Примечания

1 В скобках указано общее количество горячих под-точек, расположенных в Санкт-Петербурге (№ 18–21 в списке «горячих точек» ХЕЛКОМ).

2 В скобках указано количество удаленных горячих под-точек, расположенных в Санкт-Петербурге (№ 18–21 в списке «горячих точек» ХЕЛКОМ).